

ную и совершенную свободу, реализуясь в русском бунте, показывает собственную несостоятельность. При этом подчеркивается право и возможность человека обрести высшее благо – духовную свободу. ВОЛЯ же нужна, необходима как этап на пути к истинной внутренней свободе. Перефразируя А. Пушкина, без воли нет и свободы.

- Бердяев Н. А. Душа России // Русская идея / Сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин. М., 1992.
- Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа / Отв. ред. Е. П. Ситковский. М., 1977.
- Гребенщикова Н. Понятие *воля* в русском языковом сознании // Вопросы функциональной грамматики. Гродно, 1998.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989.
- Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 4, ч. 2. / Под общ. ред. В. Ф. Асмуса и др. М., 1965.
- Колесов В. В. Жизнь происходит от слова ... СПб., 1999.
- Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
- Колесов В. В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. Л., 1991.
- Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1975.
- Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1984.
- Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52, № 1.
- Лунин Б. В. Степан Разин: Краткий исторический очерк. Ростов, 1971.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999.
- Пушкин А. С. История Пугачева // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 15 т. Т. 12. М., 1998.
- Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981.
- Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.: Л., 1950.
- Соловьев В. М. Анатомия русского бунта: Степан Разин: мифы и реальность. М., 1994.
- Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. М., 1998.
- Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1996.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб., 1996.
- Фихте И. Сочинения: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Волжского. СПб., 1993.
- Хомяков А. С. Записки о Всемирной истории. М., 1971.
- Шушкин В. М. Я пришел дать вам волю // Шушкин В. М. Я пришел дать вам волю: Роман. Повести. М., 1991.

И. Т. Вепрева

ЧТО ТАКОЕ РЕФЛЕКСИВ? КТО ОН, *НОМО REFLECTENS*?

В условиях кардинальной смены социально-экономических устоев государства, когда интенсифицируется психическая и интеллектуальная деятельность языковой личности по обновлению и перестройке концептуального мира, языковой картины мира, наблюдается и смена речевого поведения индивида. В современной публицистической речи мы отмечаем обострение языковой рефлексии носителя языка, которая проявляется в актах вербализации метаязыкового сознания. Языковая личность в речемыслительной деятель-

© И. Т. Вепрева, 2002

ности, направленной на «ословливание» мира, эксплицитно выражает свое отношение к употребляемому слову или выражению. Метаязыковые высказывания погружены в определенный общекультурный, конкретно-ситуативный, собственно лингвистический контекст и описывают некоторое положение вещей. Например: *Стабильность – слово, с трудом приживающееся в нашей многострадальной стране, история которой складывается «вопреки обстоятельствам»...* Однако постепенно понятие «стабильность» приобретает то значение и ту мощь, которые в него заложены изначально (согласно словарям, стабильность – это устойчивое положение) (Наша газета, 2002, март); *Где еще, как не на границе, сгущается до осязательности, перестает быть абстрактным слово «патриотизм»* (МК-Урал, 2002, апр.) и др. Подобные метаязыковые комментарии по поводу употребления актуальной единицы в естественной речи мы назвали рефлексивами.

Цель данной статьи – определить структуру и границы метаязыковых высказываний в современной речи, описать речевой портрет адресанта метаязыкового дискурса.

Предварительных замечаний требует выбранный нами термин «рефлексив». Выбор этого термина по отношению к метатекстам, эксплицирующим отношение говорящего к употребляемому слову, продиктован несколькими причинами.

Во-первых, разным содержательным объемом термина «метатекст» – существует широкое и узкое понимание метатекста (см. об этом: Ростова, 2000, 53–55). При широком подходе метатекст понимается как строевой компонент текста, выполняющий иллокутивную функцию, связанную с «речевыми шагами Говорящего по порождению текста» (см.: Шаймиев, 1999, 71), являющуюся отражением его речевого поведения (см.: Рябцева, 1994). Основы широкого понимания заложены в работе А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» (см.: Вежбицка, 1978). Для такого «метатекста» характерно ситуативно-прагматическое содержание. При узком понимании «метатекстов» к ним относят вербальную экспликацию по поводу лексической единицы, представляющую собой «разнообразный комментарий к выбору слова» (см.: Норман, 1994, 40), развернутый носителями языка подчас до уровня суждения о языке (см.: Булыгина, Шмелев, 2000, 11). В данном понимании «метатекст» как результат осознания языковой действительности также является эксплицированным проявлением метаязыкового сознания. В этом отношении достаточно условно можно принять исследовательское толкование широкого и узкого понимания «метатекста». С одной стороны, процесс выбора слова, безусловно, представляет собой лишь один частный аспект речевой деятельности. С другой стороны, нерасчлененность для обыденного сознания языкового средства с тем, для чего оно используется, позволяет считать метаязыковые высказывания исследовательской базой для выявления мировоззренческих установок языковой личности, социокультурных умонастроений, психологического состояния человека и общества в целом. В данном случае «язык является средством выхода на образ мира» (см.: Залевская, 1999, 36).

Во-вторых, в современной лингвистической практике существует обилие терминологических единиц, характеризующих метавысказывания по поводу слова. Термин «рефлексив» находится в одном ряду с такими терминологическими единицами, как «оценка речи» (Шварцкопф, 1970), «кон-

текст-мнение» (Лукьянова, 1986), «метаязыковые высказывания» (Булыгина, Шмелев, 2000), «словесное само моделирование» (Ляпон, 1989), «показание метаязыкового сознания» (Блинова, 1989), «метатекст» (Ростова, 2000). На наш взгляд, перечисленные термины имеют недостатки: некоторые из них акцентируют лишь одну из важных особенностей метаязыковых высказываний, другие неудобны для использования в силу их громоздкости. Выбранный нами термин «рефлексив» подчеркивает главную, родовую черту метаязыковых образований – наличие языковой рефлексии, направленность языкового сознания на познание самого себя.

В-третьих, следует признать несостоятельность термина «метатекст» с позиций лингвистики текста: в большинстве случаев мы не можем констатировать представленность в речевой структуре, обозначаемой как «метатекст», универсальных текстовых категорий: целостности, связности, смысловой завершенности, относительной оформленности. Исследования в этой области позволяют говорить о дискурсивной природе метаязыковой деятельности, так как рефлексивы могут быть представлены в различных текстовых формах, как канонических, так и неканонических: в виде авторского попутного замечания, словесной реплики, ремарки, комментирующих основной текст, что соответствует сущностным чертам дискурса – ослаблению нормоцентрических требований к формам смысловой и структурной организации продуктов речевой деятельности (см., например: Борисова, 2001, 186–187) и акцентированию точки зрения адресанта, его предпочтений, оценки, эмоций по отношению к действительности и адресату (см.: Формановская, 2001, 19).

Несмотря на видимую простоту и удобство термина «рефлексив», мы должны признать некоторые его недостатки. Рефлексив – не новый для лингвистики термин. Известно его традиционное использование в грамматике для обозначения кореферентных ситуаций и средств их выражения (например, местоимений и возвратных глаголов). Тем не менее понятие языковой рефлексии завоевывает «права гражданства» по мере возрастающего интереса лингвистов к метаязыковой деятельности говорящих. Можно сослаться на ряд работ, в которых термин «рефлексив» активно используется по отношению к языковой рефлексии (см., например: Шмелева, 1999; Васильев, 2000; Кормилицына, 2000; Шейгал, 2000 и др.).

Современный метаязыковой дискурс представляет собой сложное многомерное образование, составные элементы которого получают различное языковое оформление. Определимся в общих закономерностях построения рефлексивов, которые не имеют жестко организованной формы и обычно достаточно вариативны. Речевая организация рефлексива представляет собой «скорее систему возможных предпочтений, чем строгих предписаний» (см. об этом: Ростова, 2000, 60). Объединяет всю совокупность рефлексивов тематическая общность – рефлексия носителя языка по поводу своего лексикона, разнообразная лингвистическая информация о слове. Способность языка к автореференции в контексте манифестируется рядом формальных показателей – дискурсивных маркеров, метаоператоров. Формальным сигналом к определению рефлексива служит прежде всего наличие в анализируемом отрезке метаоператора, к которому относится лексическая единица «слово», а также наиболее частотные «речевые слова» (В. Г. Гак), глаголы и существительные, обозначающие речевые действия: *речь, имя, говорить, называть, подбирать, понимать, употреблять, ис-*

пользовать и др. К речевым глаголам относятся не только глаголы речевой деятельности, а шире – глаголы подполя интеллектуальной деятельности (см.: Лексико-семантические группы русских глаголов, 1988, 47–55), куда входят слова, относящиеся к сфере знания, мышления, понимания, поскольку эти сферы в совокупности с речью «суть этапы единого мыслительно-речевого процесса, этапы взаимосвязанные и постоянно переходящие друг в друга» (Гак, 1994, 10), а также глаголы подполей других видов деятельности, употребляющихся в переносном значении в сочетании с лексической единицей «слово». Конструкции, в которых языковой объект имеет референцию к самому себе, «принято называть автонимным употреблением языкового знака» (Шмелев, 1996, 171). В рефлексивах автонимным статусом характеризуются лексические единицы, стоящие в позиции несогласованного приложения при родовом обозначении: *Слово «тайна» имеет только один эпитет: «коммерческая»* (АИФ, 2002, янв.); *Слова «мода» я не люблю* (ОРТ, «Ночная смена», 10.01.2002); *Вообще-то слова «национализация» бояться нечего* (МК-Урал, 2002, янв.) и т. д. Однако во многих контекстах не всегда четко обеспечивается автонимное понимание имени, способ определения метаязыковой конструкции может зависеть от целого ряда факторов и прежде всего от функционального типа рефлексива и коммуникативного модуса говорящего (см.: Рябцева, 1994).

Коммуникативный модус говорящего варьируется: так, субъект речи может, во-первых, комментировать слово или его употребление в данном контексте, сообщая о нем какую-либо информацию – данный тип рефлексива можно назвать метаязыковым комментарием, который по своей природе эпистемичен, пополняет информационный фонд адресата: *Слово «авоська» впервые прозвучало со сцены именно из уст Райкина. Вообще-то этот монолог написал Владимир Поляков, но в народ слово вошло с легкой руки Аркадия Исааковича* (Телемир, 2001, март); *Термин «раскрутка» чаще всего, кажется, эксплуатируют в шоу-бизнесе. Но любим он и в политике* (В каждый дом, 2000, янв.); *Мы привыкли к слову «имидж» и даже примерно знаем, что оно означает. Кстати, с английского «имидж» переводится, как «образ»* (Наша газета, 2001, нояб.).

Во-вторых, говорящий может выразить к слову свое отношение. Рефлексивы данного типа оцениваются как аксиологические высказывания с преобладанием рациональной или эмоциональной реакции, направленной на собственное отношение к слову, но апеллирующей к мнению адресата. Этот тип оценочных метавысказываний при сопоставлении с простым комментированием мы можем назвать метаязыковой интерпретацией, поскольку говорящий, помимо эксплицитной языковой информации, поставляемой через текст, вербализует и интерпретирующее, или «глубинное», понимание лексической единицы, которое возможно при наложении языковой информации на другие типы информации – «психологические, социальные, нормативные, морально-этические и т. п.» (см.: Кобозева, Лауффер, 1994, 64). В данном контексте интерпретация определяется как оценочное метаязыковое действие говорящего, как его «аутодиалог, разговор с самим собой» (Кухаренко, 1979, 83), поскольку в субъективном понимании «слиты воедино два компонента – чисто интерпретационный и оценочный» (Нахратова, 1990, 9). Например: *И на протяжении всей его карьеры, если можно назвать его певческий путь таким противным словом, он оставался человеком* (ОРТ, Юбилейный концерт Л. Лещенко, 1.02.02);

Слово «мода» я не люблю. Лучше быть стильным (ОРТ, Ночная смена, 10.01.02); Года четыре назад от одного слова «национализация» российских предпринимателей бросало в дрожь. Вообще-то слова «национализация» бояться нечего: во всех странах с рыночной экономикой есть законы, при определенных обстоятельствах допускающие превращение частной собственности в государственную (МК-Урал, 2002, янв.).

Выражая языковую информацию опосредованно, через специальные маркированные формы, говорящий помещает себя «на некоторой дистанции от того, что он говорит» (см.: Майсак, Татевосов, 2000, 79). Он расщепляет себя некоторым образом на два индивида, его «самосознание диалогизируется» (см.: Бахтин, 1963, 297), и эта операция, дистанцируя говорящего от его собственного дискурса, позволяет ему быть интерпретатором собственного текста, постигающим и осознающим его¹.

Мы встречаемся чаще всего с оценочными сообщениями, чем с беспристрастным комментарием. Рациональная оценка обычно связана с выражением мнения говорящего-слушающего о пригодности, точности, верности языкового средства в данном высказывании. Отсюда разнообразные варианты выражения речевой критики: *правильно – неправильно, точно – неточно, верно – неверно* и т. д. Помимо них, существуют речевые стереотипы критики речи (*строго говоря; точнее говоря; грубо говоря; мягко говоря; одним словом; короче; не знаю, как выразиться; не нахожу слов; другого слова не подберешь; лучше сказать; если можно так выразиться*), которые носят характер попутных замечаний, коротких реплик. Концепт правильности имеет «своим источником нормативную оценку действия» (Арутюнова, 1993, 69), лежит в основе практического мировоззрения и оценивает любое целенаправленное действие. Самыми частотными и действенными операторами эмоциональной оценки являются глаголы *люблю/не люблю, нравится/не нравится*, «подсказывающие выбор лексических средств, грамматической модели, композиционный рисунок фразы, синтаксический строй» (Ляпон, 1989, 27). Эти операторы относятся к предикатам сенсорно-вкусовой оценки, являющейся наиболее индивидуализированной. Н. Д. Арутюнова отмечает, что высказывания сенсорной оценки не имеют выраженного модуса. «Их не может вводить пропозициональная установка мнения. Не говорят **Я думаю (считаю), что мне хорошо спалось (что я вкусно поел)*» (Арутюнова, 1988, 190). Сенсорная оценка всегда истинна, так как она искренна. Она «имеет статус неопровержимой субъективной истины» (Там же, 191), поэтому не требует никаких мотивировок. Оценка «люблю – не люблю», обладая параметром субъективной истины, совмещает в себе эмотивное и рациональное начало, что способствует обостренному видению слова, активизации языковых способностей.

«Эмоциональная активация является необходимым условием продуктивной, интеллектуальной деятельности» (Шаховский, 1988, 194). Оценка

¹ Широкое понимание интерпретации находит подтверждение в следующем высказывании Т. Винограда и Ф. Флореса: «Когда говорят об “интерпретации”, скорее всего возникают ассоциации с художественными и литературными произведениями. Музыкант, литературный критик и обычный читатель стихов или романа – все они в некотором... смысле “интерпретируют” совокупность знаков на листе бумаги. ... Деятельность интерпретатора не ограничивается подобными ситуациями, а пронизывает всю нашу повседневную жизнь. Для осознания того, что значит думать, понимать и действовать, нам необходимо признать роль интерпретации» (Виноград, Флорес, 1996. 185).

функционирует на уровне обыденного сознания наряду и совместно с познанием, мысль в обыденном сознании не отчленена от эмоций. «В этом смысле оценка не просто акт выбора или реакция на ценность, она представляет собой реализацию *оценочной составляющей сознания* (курсив автора. – И. В.), которое само нужно рассматривать как единство и взаимодействие познавательной и оценочной составляющих» (Выжлецов, 1996, 39). Рефлексив, содержащий субъективную модальность, нацелен на оценочное или эмоциональное воздействие на адресата речи, глаголы *люблю/не люблю, нравится/не нравится* «репрезентируют расчет на согласие собеседника» (Маркелова, 1995, 71). Оценочная субъективность является дополнительным аргументом в рефлексивном высказывании.

Сенсорные оценочные операторы информативно недостаточны, поэтому они всегда нуждаются в экспликации и конкретизации. Обычно в рефлексиве после общей сенсорной оценки идет содержательный комментарий, объясняющий оценку слова: Мне не нравится определение «песенник» – похоже на «гусяр», Садко эдакий... Хотя поэт-песенник ближе к народу, чем просто поэт, и ответственности на нем больше (АИФ, 1998, янв.); Мне не нравится слово «парапсихология», оно неправильно для обозначения того, чем я занимаюсь (МК-Урал, 1999, февр.); Я не люблю слово «меценатство». Оно сильно напыщенно (ОРТ, Доброе утро, 27. 10. 98); Я не очень люблю это слово «зомбирование», но если уж оно разошлось, то я не верю в зомбирование (ОРТ, Час пик, 27.08.98).

Содержательная часть высказывания является факультативной и, расширяя метавысказывание, включается в его состав. Именно поэтому границы рефлексива не всегда могут быть определены четко. При условии, что рефлексив задает самостоятельную тему внутри текста, эксплицируя ее в метаоператоре, его начало легко вычленяется. Нижняя граница бывает размытой или прерванной, «растворяется» в структуре основного текста (см.: Ростова, 2000, 64), обеспечивая естественность и незаметность перехода в основную ткань текста. Покажем факультативность определения нижней границы рефлексива на следующем примере: –*Вы выступаете за то, чтобы однополым семьям разрешили усыновлять детей. Не слишком ли это смелый эксперимент?* – *Не знаю, уместно ли здесь слово «смелый»* (выделенный фрагмент составляет ядерную часть рефлексива. Расширение ядерной части может составлять ближайшую и дальнейшую периферию метатекстового отрезка; здесь и далее в скобках наш комментарий к цитируемому тексту. – И. В.). *Мое понимание этой ситуации таково: чем меньше будет одиноких, несчастных детей, тем богаче общество* (ближайшая периферия). *Ребенок нуждается в заботе, в лекарствах, в хорошем питании, отдыхе, учебе. Если люди берут на себя обязательства дать все это маленькому мальчику или девочке, то почему нет? Зачем мы будем им препятствовать. Нам нужно думать о том, чтобы как можно меньше выросло озлобленных людей* (дальнейшая периферия). Расширение рамок рефлексива зависит от исследовательских задач. Если исследователю важна аргументативная часть рефлексива, выявление в данном случае социальных установок говорящего, то должна учитываться дальнейшая периферия отрезка. При типологическом анализе метаоператоров достаточно объема ядерной части рефлексива.

Кроме нейтральных операторов оценки «люблю – не люблю», «нравится – не нравится», в рефлексивах присутствуют синонимические выра-

жения отрицательной или положительной оценки, которые создают экспрессивные варианты метаязыкового фона, направленные на максимальное воздействие на слушающего, например: *ненавижу; мне глубоко противна формулировка; не подташнивает ли вас от этих слов; кого не бросает в дрожь; обожаю это слово* и т. д. Общеотрицательное варьирование оценки более разнообразно, поскольку «общеплохое предполагает наличие частноплохого» (см.: Арутюнова, 1988, 82), рефлексивные контексты дают возможность наблюдать градационную конкретизацию общеотрицательной оценки.

Общие аксиологические значения могут быть представлены в рефлексивах прилагательными, характеризующими то или иное употребляемое слово (*хорошее, замечательное, прекрасное, плохое, отвратительное, дьяволоподобное*). Частнооценочные прилагательные связаны с разнообразными типами оценок слова, среди которых гедонистические по-прежнему стоят на первом месте (*гордое, здоровое, ласковое, сладкое, заветное, любимое, емкое, громкое, мягкое, теплое, корявенькое, неприятное, жесткое, горькое, соленое, дикое, нудное, оскорбительное, отвратительное, уничижительное, дурацкое*).

Заключая разговор о различных типах оценочности метаязыкового комментария, скажем, что различная степень интенсивности аксиологического утверждения скорее характеризует субъект оценки, чем ее объект (см. об этом: Чернейко, 1990, 73), являясь одним из параметров языкового паспорта говорящего.

Обратимся к краткой характеристике речевого портрета адресанта метаязыкового дискурса.

Мы исследуем рефлексивы, выбранные нами из публицистики. СМИ (печатные и электронные средства связи) на современном этапе демократического развития российского общества формируют общественное мнение при разнообразии взглядов на современные проблемы. За прошедшие десятилетия изменилась сама тематика обсуждаемых проблем, заставляющая вникать в суть новых явлений, которые не были раньше предметом общественного диалога, явлений, которые требуют новых наименований и оценок. Кроме того, как в политику и экономику, так и в СМИ пришли новые люди, по-новому обсуждающие старые и новые проблемы, по-новому использующие языковые средства. В условиях действия этих факторов отмечается усиление метаязыковой деятельности говорящего с телеэкрана, в радиоэфире, в живом публичном общении, пишущего на газетной полосе.

Современные СМИ – своеобразный полигон для раскованной, «незажатой» личности, находящейся в процессе самопознания. СМИ становятся способом формирования языкового сознания общества в целом, средством создания языковой картины мира. Корпус метаязыковых высказываний в публицистике, как считает В. Хлебда (1999), позволяет создать «лингвоментальный “автопортрет” россиян», реализованный как когнитивная и коммуникативная стратегии говорящего. Метаязыковой дискурс дает материал для осмысления речевого портрета *homo reflectens* – человека рефлекслирующего, языковой личности эпохи общественных и языковых перемен.

Среди разнообразных условий, которые влияют на характер коммуникативных намерений говорящего, выражающихся, в частности, в экспли-

кации языкового сознания, можно выделить наиболее значимые, фокусирующиеся в самой характеристике понятия «говорящий» («адресант», «языковая личность», «индивид» и др.) и реализующиеся в его речевом поведении, которое определяется «коммуникативной ситуацией... языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью... психическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности» (Никитина, 1989, 34).

Если обратиться к характеристике современного носителя литературного языка, то в первом приближении – это средняя языковая личность, речевое поведение которой свойственно повседневному языковому существованию человека в России (см.: Караулов, 2001, 45). Следующие параметры, включаемые обычно в языковой паспорт говорящего, конкретизируют, варьируют этот обобщенный облик. Во-первых, нельзя не согласиться с точкой зрения В. Хлебды, который считает, что «употребление метаязыка – удел отнюдь не всех. Метаязыком пользуются те, кто нуждается в сознательном оформлении своего говорения, кто чувствует потребность сообщить собеседнику, что отдает себе отчет в языковом статусе слагаемых своего высказывания» (Хлебда, 1999, 65).

Способность к языковой рефлексии определяется психологическим типом личности. С одной стороны, рефлексивный дискурс будет преобладать у эгоцентрической личности, личности-интроверта мыслительного типа (см.: Юнг, 1997, 469), склонной к внутреннему процессу самооценки, настроенного порождать тексты, осложненные обоснованием своего словесного выбора. М. В. Ляпон попыталась сформулировать ключевые черты речевого почерка интроверсии М. Цветаевой, выявив на материале дневниковых записей цепочку закономерностей, иллюстрирующих речевое поведение писателя-интроверта, очень метко назвав это поведение состоянием «блуждания вокруг денотата» (Ляпон, 1989, 25) в поисках формы, адекватной коммуникативному замыслу. Это состояние коррелирует с имплицитным оценочным предикатом мнения «такого рода: “Я выбираю данное слово, потому что считаю, что именно оно адекватно сущности обозначаемого”; либо “я пользуюсь данным словом, хотя сомневаюсь, что оно адекватно существу изображаемой картины мира”; либо “я нахожусь в состоянии поиска словесной формы, адекватной коммуникативной задаче” и т. п. » (Там же, 25–26). С другой стороны, нельзя исключить наличие языковой рефлексии у экстраверта с его установкой на адресата. Экстраверт своим метаязыковым комментарием апеллирует к адресату, чтобы установить обратную связь; он всегда озабочен тем, чтобы его текст был понятен слушающему.

Следующие параметры портрета языковой личности – профессиональный и социальный статусы, а также связанная с профессиональным статусом языковая и культурная компетенции. В нашем случае это прежде всего человек, владеющий навыками как устной, так и письменной публичной речи, ориентированной на массового адресата: журналист, комментатор, телеведущий, политик, писатель, экономист, юрист, деятель искусства, общественный деятель, – одним словом, человек, занимающийся интеллектуальной деятельностью. В России таких людей привыкли причислять к интеллигенции. Смысловые параметры концептов «интеллигент», «интеллигенция» претерпевали изменения в отечественной культуре (см. об этом: Бельчиков, 1995). К реа-

билитации этих концептов в советской культуре обращались В. В. Виноградов, Д. С. Лихачев, Ю. С. Сорокин, Ю. С. Степанов и др.

Л. П. Крысин проводит разграничение понятий «интеллигенция» и «интеллигент». Интеллигенция – определенный социальный слой в структуре современного русского общества, а интеллигент – «это не просто, так сказать, один “квант” интеллигенции и даже не обязательно представитель этого социального слоя, а человек, обладающий большей внутренней культурой (высшее образование при этом может и отсутствовать)» (Крысин, 2001б, 92). В русской культуре за понятием «интеллигент» закрепился мощный культурологический ореол: интеллигент – не просто образованный человек, «но личность с высоким моральным самосознанием и духовной культурой» (Зеленин, 1999, 27), «духовная элита общества» (Коган, Чернявская, 1996, 65). Отстраняясь от разнонаправленной (позитивной и негативной) социальной коннотации понятия «интеллигент», оставляем в структуре лексического значения слова важный семантический компонент: интеллигент – это человек, обладающий «определенным уровнем образования и культуры и занятый умственным трудом» (Крысин, 2001б, 92), типичный представитель интеллигенции как социального слоя (разумеется, мы учитываем неоднородность данной группы людей).

Для речевой деятельности интеллигента свойственна рефлексия и разномыслие, которые обостряются в постсоветский период как реакция на отторжение тоталитарных принципов мышления, одним из которых было единство семантической информации (принцип демократического централизма). Инструментом этого единства была категория партийности, понимаемая как коллективная оценка, «модальность речи и речевого поведения, жестко заданная партийным документом и исключаяющая поэтому любую другую модальность» (Романенко, 2001, 70). Взамен внешнего партийного контроля над словом, внутренней партийной цензуры как обязательной социальной установки любой творческой личности появляются другие типы контроля, обусловленные психологическим устройством языковой личности и эксплицируемые в метаязыковой деятельности говорящего/пишущего.

Естественно возникает вопрос, можно ли отнести уровень языкового сознания этих людей к обыденному типу мышления, как это принято делать при исследовании метаязыковой деятельности носителя диалекта, человека не владеющего такими полными знаниями о языке, какими владеет профессионально пишущий человек. Судя по речевой практике, мы имеем основание считать метаязыковые высказывания интеллигентов-нефилологов проявлением языкового обыденного сознания. Повседневное языковое существование говорит о невысоком уровне лингвистической культуры образованной части нашего общества. «Она весьма низка, даже в тех слоях (например, в журналистской среде), представители которых в силу своего образовательного и интеллектуального статуса должны иметь правильное представление о языке и нормах его использования в разных сферах общения» (Крысин, 2001а, 58). Л. П. Крысин в качестве аргумента к своему утверждению приводит самый свежий пример – дискуссию в печати о предстоящей реформе русского языка. Специалисты-языковеды буквально скорбят по поводу лингвистически неточных рассуждений об изменениях в русской орфографии, предлагаемых Орфографической комиссией Академии наук, которые помещают журналисты на страницах раз-

личных газет и оглашают телекомментаторы на центральных каналах. Материалы этой дискуссии обнаруживают отличие научного и обыденного типов сознания. Так, Н. Д. Голев считает, что орфографоцентризм, под которым понимается отождествление языка и орфографии, является национальным свойством метаязыкового сознания русского языкового сообщества (см.: Голев, 1997, 72). Представление о русском языке через орфографию обострилось в советское время, когда письменное слово стало наиболее авторитетным, «благоговейно-почтительное отношение к печатному слову» (см.: Панов, 1990, 87) распространилось прежде всего в среде тех, для кого грамотность была внове и ценилась высоко. Подобная склонность обыденного метаязыкового сознания к отождествлению языка с письмом у современных журналистов сыграла свою печальную роль. «И вот уже паническое настроение проникло в ряды читателей: писательница Татьяна Толстая, откликаясь на призыв газеты “Коммерсант” высказать свое мнение о подготавливаемых Академией наук изменениях в русском языке, советует Академии наук заколотить, а придурков-академиков заставить заниматься настоящим делом» (Крысин, 2001а, 58).

Ученые приходят к выводу, что метаязыковому мышлению образованной части современного общества (нелингвистов) свойственна «та же архаическая наивность и мифологичность, которая была характерна для древнего мира и Средневековья, как европейского, так и восточного» (Лебедева, 2000, 56).

Подведем итоги общему взгляду на феномен метаязыкового комментирования в современной публицистической речи. Поворот современной лингвистики к изучению говорящего человека подчеркивает актуальность изучения любых проявлений личностного начала языковой личности. Одним из таких проявлений является вербализация языковой рефлексии, которая выступает как часть культурного самосознания, как компонент национального самосознания. Корпус рефлексивов дает возможность на основе метаязыковых высказываний создать лингвоментальный портрет носителей русского языка в переломный период развития общества, определить круг языковых явлений, которые подвергаются рефлексивному осмыслению, выявить «болевые точки» современных языковых процессов, на которые реагирует языковая личность.

Арутюнова Н. Д. Вторичные истинностные оценки: правильно, верно // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.

Бельчиков Ю. А. К истории слов *интеллигенция, интеллигент* // Филологический сборник: К 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова. М., 1995.

Блинова О. И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. М., 1989.

Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. «Стихийная лингвистика» (folk linguistics) // Русский язык сегодня. [Вып.] 1. М., 2000.

Васильев А. Д. Слово в эфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск, 2000.

Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978.

Виноград Т., Флорес Ф. О понимании компьютеров и познания // Язык и интеллект. М., 1996.

Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб., 1996.

Гак В. Г. Речевые рефлексии с речевыми словами // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.

- Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. Барнаул, 1997.
- Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
- Зеленин А. В. Интеллигент и интеллигенция в русской эмигрантской публицистике // Современное русское общественное сознание в зеркале вербализации. Красноярск, 1999.
- Караулов Ю. Н. Культура речи и языковая критика // Русский язык в эфире: проблемы и пути их решения: Материалы круглого стола, Москва, 14 ноября 2000 г. М., 2001.
- Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.
- Коган Л., Чернявская Г. Интеллигенция. Екатеринбург, 1996.
- Кормилицына М. А. Усиление личностного начала в русской речи последних лет // Активные языковые процессы конца XX века: IV Шмелевские чтения: Тез. докл. междунар. конф. 23–25 февр. 2000 г. М., 2000.
- Крысин Л. П. Популяризация лингвистических знаний в средствах массовой информации // Русский язык в эфире: проблемы и пути их решения: Материалы круглого стола. Москва, 14 ноября 2000 г. М., 2001а.
- Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001б. №1.
- Кухаренко В. А. Интерпретация текста. Л., 1979.
- Лебедева Н. Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики: (К постановке проблемы) // Юрислингвистика – 2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000.
- Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебный словарь-справочник. Свердловск, 1988.
- Лукиянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск, 1986.
- Ляпон М. В. Оценочная ситуация и словесное моделирование // Язык и личность. М., 1989.
- Майсак Т. А., Татевосов С. Г. Пространство говорящего, или Чего нельзя сказать о себе самом // Вопр. языкознания. 2000. № 5.
- Маркелова Т. В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // Филологические науки. 1995. № 3.
- Нахратова С. Ю. Проблема понимания: психолингвистический аспект // Структуры языкового сознания. М., 1990.
- Никитина С. Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. М., 1989.
- Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.
- Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990.
- Романенко А. П. Советская словесная культура: образ риторика: Дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2001.
- Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск, 2000.
- Рябцева Н. К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.
- Формановская Н. А. Высказывания и дискурс как основные единицы общения // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы междунар. конгресса, Москва, МГУ, 13–16 марта 2001 г. М., 2001.
- Хлебда В. Шесть соображений по вопросу о языковом самосознании // Русистика. СПб., 1999.
- Чернейко Л. О. Оценка в знаке и знак в оценке // Филологические науки. 1990. № 2.
- Шаймиев В. А. Об иллюкативных функциях метатекста, или Перечитывая А. Вежбицку... (На материале лингвистических текстов) // Русистика. СПб., 1999. С. 68–76.
- Шаховский В. И. Эмоции в структуре сознания и языка личности // Языковое сознание: Тез. докл. IX Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1988. С. 194–195.
- Шварцкопф Б. С. Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 277–304.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград, 2000.
- Шмелев А. Д. Именование и автономность имени // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 171–179.
- Шмелева Т. В. Языковая рефлексия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1 (8). Красноярск, 1999. С. 108–110.
- Юнг К. Г. Психологические типы. М., 1997.